

УДК 81'25

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ПЕРЕВОДЕ И АВТОПЕРЕВОДЕ

Ю. А. Дымант, В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье рассматриваются виды и функции метатекста как продукта метакоммуникативной деятельности переводчика. Данная проблема исследуется на материале предисловий и комментариев к переводам и автопереводам В. В. Набокова. Основное внимание уделено эксплицирующему и поясняющему комментарию как способу адаптации текста перевода к принимающей лингвокультуре.

Ключевые слова: метакоммуникация, метатекст, функция метатекста, переводческий комментарий, автоперевод, переводческий метод, переводческое решение.

Abstract: the article reviews the forms and functions of metatext resulting from translator's metacommunication. The research material is constituted by prefaces and commentaries written by Vladimir Nabokov to his translations and self-translations. The article focuses specifically on the commentaries with explaining and clarifying functions aimed to adapt the translated text to the target culture.

Key words: metacommunication, metatext, functions of metatext, translator's commentary, self-translation, translation method, translator's choice.

Метакоммуникация – коммуникация по поводу коммуникации – направлена на устранение недопонимания между участниками коммуникации и обеспечение успешности коммуникативного акта. Перевод как особый коммуникативный акт, в котором в качестве субъектов задействованы не только представители разных культур, но также и посредник (переводчик), предполагает наличие двойного барьера в понимании между первичным отправителем и вторичным получателем сообщения. В данном случае метакоммуникация, а именно переводческая метакоммуникация, возникающая в ситуации межкультурных и межъязыковых контактов в виде эксплицирующего и поясняющего комментария, становится средством преодоления лингвокультурного барьера. Кроме того, метакоммуникативная деятельность переводчика может быть также направлена и на собственно процесс и результат перевода, являясь способом объяснения и обоснования переводческого решения.

В настоящее время проблемы переводческой метакоммуникации вызывают интерес среди довольно широкого круга исследователей [1–3]. Это напрямую связано с тем, что перевод становится всё более открытой сферой общественного интеллектуального производства, представляя собой, по сути, единый континуум идей, мнений и взаимных действий пере-

водчика, автора, издателя, редактора, читателя, потребителя и т.п., для которого характерно взаимодействие процессов мониторинга и автомониторинга [3].

Жанровое пространство переводческой метакоммуникации чрезвычайно разнообразно и включает предисловия и послесловия к переводам, сноски, внутритекстовые и послетекстовые примечания переводчика или редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественную литературу и кинофильмы, отображающие работу переводчика т.д. [4]. Наиболее близкими к самому тексту перевода являются переводческие предисловия, послесловия, примечания и комментарии, цель которых – помочь читателю глубже понять произведение «чужой» культуры.

Одной из главных характеристик переводческой метакоммуникации является ее двунаправленность, что обусловлено ориентацией как на исходный текст в его различных аспектах (языковой код, содержание, стиль, авторский замысел, культурные реалии, вертикальный контекст), так и, как уже было указано выше, на собственно перевод (принятие и обоснование переводческого решения) [2].

Письменная метакоммуникация реализуется в виде метатекста, к основным функциям которого некоторые исследователи относят вводную, описательную, аналитическую, пояснительную, оценочную и пародийную функции [там же]. Как правило,

доминирующую роль играет пояснительная функция, что связано с основной задачей метатекста – донести до читателя содержание оригинала во всей его полноте.

В этом отношении большой исследовательский интерес представляет изучение переводческого опыта русско-американского писателя, литературоведа и переводчика В. В. Набокова, широко применявшего метаязыковое и метапереводческое комментирование в своих переводах и автопереводах. Например, его прозаический перевод романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» включает огромный объем метатекста (третий и четвертый тома) эксплицирующего и поясняющего характера, целевое назначение которого состоит в том, чтобы предоставить англоязычным читателям возможность понять все тончайшие нюансы произведения великого русского поэта. Для Набокова это был способ сохранить, а порой и вывести на явный уровень историко-литературный контекст оригинала, обозначить в переводе галлицизмы, показать скрытые и зачастую пародийные намеки на современников Пушкина. Именно с помощью метаязыкового и метапереводческого комментария Набоков пытался добиться полного соответствия каждой строки перевода и оригинала [5].

Введение в метакомментарий Набокова носит скорее литературоведческий характер, поскольку основное внимание уделяется истории создания романа и его стилизованной автобиографичности. Здесь же приводится построфный разбор каждой главы романа с описанием сюжета и его художественных особенностей, выделением центрального, доминантного события в каждой главе и оценкой героев. Многие темы введения получают дальнейшее развитие в комментариях, которые представляют собой филологический анализ исходного текста с акцентом на проблемы поиска соответствий и аргументацию окончательного переводческого решения [6].

Еще один пример переводческого метатекста, созданного В. В. Набоковым, – предисловие к переводу романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в котором содержатся подробный пересказ сюжета и анализ особенностей структуры романа, специфики авторского слога и стиля М. Ю. Лермонтова. В предисловии также говорится об истории создания данного произведения в контексте общей характеристики культурной обстановки и литературных традиций эпохи, разбираются образы главных героев. Характерной чертой, своего рода индивидуальным переводческим почерком Набокова является обоснование необходимости самого переводческого комментария, отличающего, по его мнению, «добротный перевод». «... Следует раз и навсегда отказаться от расхожего мнения, будто перевод “должен легко читаться” и “не должен производить впечатление

перевода” <...> всякий перевод, не производящий впечатление перевода, при ближайшем рассмотрении непременно окажется неточным, тогда как единственными достоинствами добротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу. Будет ли он легко читаться, это уже зависит от образца, а не от снятой с него копии <...> Надо дать понять английскому читателю, что проза Лермонтова далека от изящества: она суха и однообразна <...>. Его русский временами так же коряв, как французский Стендаля; его сравнения и метафоры банальны; его расхожие эпитеты спасает разве то обстоятельство, что им случается быть неправильно употребленными... И все это переводчик обязан скрупулезно воспроизвести, сколь бы велико ни было искушение заполнить пропуск или убрать лишнее» [7, с. 193]. Если вспомнить переводческую концепцию Фридриха Шлейермахера, то можно сказать, что Набоков определенно идет по пути, когда «переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу» [8, с. 141].

Уникальность переводческого опыта В. В. Набокова состоит еще и в том, что помимо других авторов он довольно много переводил и свои собственные произведения. На сегодняшний день проблема автоперевода, его особенностей, статуса и параметров оценки вызывает довольно много разногласий, поскольку, приступая к переводу собственного текста, автор зачастую осознает, что в силу целого ряда факторов (как языковых, так и социокультурных) он не может просто воспроизвести свой текст на другом языке, а фактически создает его заново. Иными словами, как показывает анализ материала, в ситуации автоперевода необходимость трансформировать текст и адаптировать его под другую культурную среду является не менее острой, чем в классической ситуации перевода [9].

В этом отношении очень показательное следующее высказывание известного ученого Клода Леви-Стросса в предисловии к сборнику его статей на французском языке: «Многие из моих статей были написаны на английском языке и нуждались в переводе. В ходе работы я сам был поражен тем, насколько различны стиль и порядок изложения в статьях на том или другом языке. <...> Это различие, разумеется, отчасти объясняется социологическими причинами: при обращении к французскому или англосаксонскому читателю изменяется как образ мышления, так и манера изложения мыслей» [10, с. 5–6]. Сходные мысли, но уже в метафорической форме, высказывает и В. В. Набоков в предисловии к своей автобиографической книге «Другие берега»: «Русская книга относится к английскому тексту как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо» [11, с. 7].

Известно, что работа над этим произведением начиналась с небольшого очерка на французском языке – «Mademoiselle O», и получила развитие сначала в автобиографии, вышедшей под названием «Conclusive Evidence». Позже Набоков делает автоперевод, известный как «Другие берега», а затем вновь возвращается к английскому варианту, ставшему в окончательной версии книгой «Speak, Memory». (Этот последний вариант, кстати, тоже был переведен на русский язык, но уже другим переводчиком).

Сопоставительный анализ этих трех текстов позволил выявить комментарии В. В. Набокова как писателя и переводчика, как первичной и вторичной языковой личности, направленные на различные элементы языка и культуры в зависимости от времени создания той или иной версии, а также предполагаемой читательской аудитории. Отметим, что все комментарии (за исключением предисловий) имеют внутритекстовый характер и, таким образом, являются неотъемлемой частью текста перевода. Причем это могут быть как замечания, сделанные Набоковым-писателем как бы мимоходом, так и комментарии Набокова-переводчика, нацеленные на то, чтобы объяснить читателю то или иное слово, фразу или выбор переводческого соответствия.

В качестве примера метаязыкового комментария приведем отрывки из трех версий, построенные на описании детских ассоциаций и ощущений писателя, вызванных словом *childhood*.

Conclusive evidence: *I see myself, for instance, clambering over wet black rocks at the seaside while Miss Norcott, a languid and melancholy English governess, who thinks I am following her, strolls away along the curved beach with my brother. As I crawl over those rocks, I keep repeating, in a kind of zestful, copious, and deeply gratifying incantation, the English word "childhood," which sounds mysterious and new, and becomes stranger and stranger as it gets mixed up in my small, overstocked, hectic mind with Robin Hood and Little Red Riding Hood and the brown hoods of old hunchbacked fairies* [там же, с. 20].

Другие берега: *Вижу, например, такую картину: карабкаюсь лягушкой по мокрым, черным приморским скалам; мисс Норкот, томная и печальная гувернантка, думая, что я слеую за ней, удаляется с моим братом вдоль взморья; карабкаюсь, я твержу, как некое истое, красноречивое, утешающее душу заклинание, простое английское слово «чайльд-худ» (детство); знакомый звук постепенно становится новым, странным, и вконец завораживается, когда другие «худы» к нему присоединяются в моем маленьком, переполненном и кипящем мозгу – «Робин Худ» и «Литль Ред Райдинг Худ» (Красная Шапочка) и бурый куколь («худ») горбуни-феи [там же, с. 21].*

Speak, Memory: *I see myself, for instance, clambering over wet black rocks at the seaside while Miss Norcott, a languid and melancholy governess, who thinks I am following her, strolls away along the curved beach with Sergey, my younger brother. I am wearing a toy bracelet. As I crawl over those rocks, I keep repeating, in a kind of zestful, copious, and deeply gratifying incantation, the English word «childhood,» which sounds mysterious and new, and becomes stranger and stranger as it gets mixed up in my small, overstocked, hectic mind, with Robin Hood and Little Red Riding Hood, and the brown hoods of old hunchbacked fairies* [12, с. 14].

Поскольку речь идет именно об английском слове и его звучании, в русской версии автор приводит транскрипцию с дополнительной расшифровкой значения в скобках. Аналогичный способ используется и с ассоциативно возникающими в детском сознании именами собственными: имена *Robin Hood* и *Little Red Riding Hood* также даются в транскрипции, однако переводом в скобках сопровождается только *Little Red Riding Hood* (видимо, с точки зрения Набокова, имя *Робин Худ* должно быть лучше знакомо читательской аудитории). Интересно, что в случае с *brown hoods of old hunchbacked fairies* в русской версии сначала дается перевод, а транскрипция указывается в скобках, для того чтобы показать читателю ассоциативную связь между русским словом *куколь* и английским словом *childhood*.

Большое внимание уделяет Набоков комментариям к переводу многочисленных реалий. В частности, русские топонимы в английских версиях книги практически всегда сопровождаются транскрипцией и пояснением в скобках, касающимся их значения и формы. Именно таким образом Набоков поступает в переводе с русскими названиями улиц, стремясь к тому, чтобы их незнакомая и непривычная для английского читателя форма не оставалась бы пустым звуком.

Conclusive evidence: *A street on the left side with a lovely name – Karavannaia [the Street of Caravans] – took one past an unforgettable toyshop. Next came the Cinizelli Circus (famous for its wrestling tournaments). Finally, after crossing an ice-bound canal, one drove up to the gates of Tenishev School in Mokhovaia Street [the Street of Mosses]* [11, с. 260].

Другие берега: *Мы сворачивали влево по улице с прелестным названием Караванная, навсегда связанной у меня с магазином игрушек Пето и с цирком Чинизелли, из круглой кремовой стены которого выпрастывались каменные лошадиные головы. Наконец, за каналом, мы сворачивали на Моховую и там останавливались у ворот училища [там же].*

Speak, Memory: *A street on the left side with a lovely name – Karavannaya (the Street of Caravans) – took one past an unforgettable toyshop. Next came the*

Cinizelli Circus (famous for its wrestling tournaments). Finally, after crossing an icebound canal one drove up to the gates of Tenishev School in Mohovaya Street (the Street of Mosses) [12, с. 84].

Хотелось бы также обратить внимание на весьма нестандартный, но очень характерный для Набокова прием «перевода в автопереводе». Так, во всех трех версиях книги Набоков приводит фрагмент из романа Майн Рида «Всадник без головы», который сопровождается лингвостилистическим комментарием текста оригинала. Кроме того, в русской версии писатель дает и собственный перевод этого отрывка, особо отмечая, что, в соответствии со своим переводческим методом, он приводит его в дословном переводе.

Conclusive evidence: *And here we find the gallant author interpolating a strange confession: «The sweetest kiss that I ever had in my life was when a woman – a fair creature, in the hunting field – leant over in her saddle and kissed me as I sate in mine»* [11, с. 286].

Другие берега: *И тут наш романтик-капитан вкрапливает странное авторское признание. Перевожу его дословно: «Сладчайшее в моей жизни лобзание было то, которое имел я сидючи в седле, когда женщина – прекрасное создание, в отъезжем поле — перегнулась ко мне со своего седла и меня, конного, поцеловала»* [там же, с. 287].

Speak, Memory: *And here we find the gallant author interpolating a strange confession: «The sweetest kiss that I ever had in my life was when a woman – a fair creature, in the hunting field – leant over in her saddle and kissed me as I sate in mine»* [12, с. 92].

Набоков подчеркивает, что «точный» перевод названия романа, как и перевод вышеприведенного отрывка, направлен на то, чтобы передать специфику индивидуального стиля автора оригинала.

Conclusive evidence: *Knowing English, I could savor his Headless Horseman in the unabridged original* [11, с. 278].

Другие берега: *Владея английским с колыбельных дней, я мог наслаждаться «Безглавым Всадником» (перевожу точно) в несокращенном и довольно многословном оригинале* [там же, с. 279].

Speak, Memory: *Knowing English, I could savor his Headless Horseman in the unabridged original* [12, с. 89].

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, метаязыковой комментарий эксплицирующего характера к иноязычным словам и фразам, которые широко используются во всех трех версиях книги. Интересно, что смысл французских вкраплений объясняется Набоковым только в русскоязычном варианте: писатель, судя по всему, полагал, что образованные читатели в Америке или Англии владеют французским языком, в отличие от их современников в России

советского периода. Что касается фраз на русском языке в английских версиях, то зачастую они передаются в транскрипции, а затем комментируются в скобках, причем Набоков, как правило, приводит и «точный эквивалент», и функциональный аналог со схожей коннотацией в английском языке.

Conclusive evidence: *«Tolstoi vient de mourir», he suddenly added, in another, stunned voice, turning to my mother* [11, с. 294].

«Da chto ty [something like “good gracious”]!» she exclaimed in distress, clasping her hands in her lap. «Pora domoj [Time to go home]», she concluded, as if Tolstoi’s death had been the portent of apocalyptic disasters.

Другие берега: *«Tolstoi vient de mourir» (Толстой только что умер (франц.)), – вдруг перебил он самого себя другим, ошеломленным голосом, обращаясь к моей матери, тут же сидевшей у вечерней лампы. «Да что ты», – удрученно и тихо воскликнула она, соединив руки, и затем прибавила, – «Пора домой», – точно смерть Толстого была предвестником каких-то апокалиптических бед* [там же, с. 295].

Speak, Memory: *«Tolstoy vient de mourir», he suddenly added, in another, stunned voice, turning to my mother.*

«Da chto ty [something like “good gracious”]!» she exclaimed in distress, clasping her hands in her lap. «Pora domoy [Time to go home],» she concluded, as if Tolstoy’s death had been the portent of apocalyptic disasters [12, с. 93].

Специфическая черта метаязыковой коммуникации В. В. Набокова заключается в том, что в целях наиболее полной передачи смысла разговорных выражений на русском языке, он не ограничивается только англоязычными аналогами. Так, в следующем отрывке, заимствованном из английской версии, русская фраза *Боже мой!* сравнивается с английской *My God* и французской *mon Dieu*, причем, как автор и переводчик, Набоков отмечает, что последняя ближе по духу к оригиналу.

Conclusive evidence: *«Why did we feel so cheerful when it rained?» she asked in one of her last letters, reverting as it were to the pure source of rhetorics. «Bozhe moj» (mon Dieu – rather than «My God»), where has it gone, all that distant, bright, endearing (Vsjo eto daljokoe, svetloe, miloe – in Russian no subject is needed here, since these are neuter adjectives that play the part of abstract nouns, on a bare stage, in a subdued light)* [11, с. 350].

Другие берега: *«Боже, где оно – все это далекое, светлое, милое!» Вот этот звук дословно помню из одного ее письма, – и никогда впоследствии не удалось мне лучше нее выразить тоску по прошлому* [там же, с. 349].

Speak, Memory: *«Why did we feel so cheerful when it rained?» she asked in one of her last letters, reverting*

as it were to the pure source of rhetorics. «*Bozhe moy*» (*mon Dieu – rather than «My God»*), where has it gone, all that distant, bright, endearing (*Vsyo eto dalyokoe, svetloe, miloe – in Russian no subject is needed here, since these are neuter adjectives that play the part of abstract nouns, on a bare stage, in a subdued light*) [12, с. 110].

Необходимость в метаязыковом комментарии часто связана у Набокова с аргументацией нестандартного для классического перевода переводческого решения – осознанного нарушения норм переводящего языка. В вышеприведенном примере, сохраняя при переводе грамматическую конструкцию русской фразы (cf. *все это далекое, светлое, милое – all that distant, bright, endearing*), Набоков объясняет отсутствие определяемого слова тем, что в русском языке прилагательные могут выполнять функцию подлежащего. Подобное воспроизведение иноязычной структуры обусловлено переводческим методом Набокова, в соответствии с которым сохранение формы оригинала является одной из приоритетных переводческих задач.

Хотелось бы также отметить случаи метаязыкового комментирования, в которых получает отражение субъективное восприятие языка, характерное для Набокова как писателя и переводчика. В английском варианте книги Набоков транскрибирует некоторые русские слова, поскольку по тем или иным причинам его не устраивают англоязычные соответствия. Так происходит, например, с русским словом *сумерки*: «*Summer soomerki – the lovely Russian word for dusk*» [11, с. 102]. По всей видимости, английское слово *dusk* для Набокова не обладает эстетическими и ассоциативно-образными коннотациями, характерными для русского слова *сумерки*. Комментируя подобные решения, Набоков часто не ограничивается просто указанием на непереводаемость слова, а приводит достаточно прозрачное описание ситуации, тем самым предоставляя читателю возможность самому догадаться о его значении, например: *after which he marched, with the same purposeful steps, but now dripping and purblind, back to his bedroom where he kept in a secret place three sacrosanct towels (incidentally he was so brezgliv, in the Russian untranslatable sense, that he would wash his hands after touching banknotes or banisters)* [12, с. 72].

Подводя итог сказанному, стоит еще раз подчеркнуть, что метакоммуникация переводчика составляет неотъемлемую часть переводческой деятельности. Получая реализацию на уровне метатекста, ориентированного на компенсацию утрачиваемых при переводе смыслов, метакоммуникация включает лингвистический, литературоведческий, культурологический и собственно переводческий аспекты. В контексте рассматриваемого в нашем исследовании переводческого опыта В. В. Набокова метакоммуникация является еще и характерной чертой переводческого метода и используется переводчиком как средство достижения наибольшего соответствия перевода оригиналу. В случае автоперевода переводческий метатекст и вовсе может стать интегральной частью иноязычной версии оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровченко Е. М. Специфика метакоммуникации как особого типа общения / Е. М. Дубровченко // *Lingua mobilis*. – 2011. – № 2 (28). – С. 79–82.
2. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловия и примечаний) : дис. ... канд. филол. наук / Д. И. Остапенко. – Воронеж, 2014.
3. Кашкин В. Б. Метакогнитивные исследования перевода / В. Б. Кашкин // *Университетское переводоведение. Фёдоровские чтения-10*. – СПб. : СПбГУ, 2009. – Вып. 10. – С. 230–242.
4. Кашкин В. Б. Жанры метапереводческой деятельности / В. Б. Кашкин, Д. С. Князева, С. С. Рубцов // *Язык, коммуникация и социальная среда*. – Воронеж : ВГУ ; Издательский дом Алейниковых, 2008. – Вып. 6. – С. 110–119.
5. Князева Е. А. О переводческом методе В. В. Набокова / Е. А. Князева, Ю. А. Дымант // *Язык, коммуникация и социальная среда = Language, Communication and Social Environment* : Ежегод. науч. изд. / под ред. В. Б. Кашкина. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2012. – Вып. 10. – С. 231–247.
6. Князева Е. А. Владимир Набоков / Е. А. Князева, Ю. А. Дымант // *История переводов : мастер и мастерство : учеб. пособ.* / Л. И. Гришаева, Н. А. Фененко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2011. – Ч. 2. – С. 9–31.
7. Набоков В. В. Предисловие к «Герою нашего времени» / В. В. Набоков // *Новый мир*. – № 4. – 1988.
8. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода / Ф. Шлейермахер // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология*. – 2000. – № 2. – С. 127–145.
9. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... д-ра филол. наук / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
11. Набоков В. Другие берега : мемуары / В. В. Набоков. – М. : Захаров, 2004. – 448 с.
12. Nabokov V. *Speak, Memory : an Autobiography Revisited*. – Random House, Inc., New York, 1989.

Воронежский государственный университет

Дымант Ю. А., преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: yu.dymant@gmail.com

Кашкин В. Б., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Княжева Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: knel@cs.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 222-73-62

Voronezh State University

Dymant Yu. A., Lecturer of the Translation and Intercultural Communication Department

E-mail: yu.dymant@gmail.com

Kashkin V. B., Doctor of Philology, Professor, Head of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Tel.: 8 (473) 222-73-62

Knyazheva E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Translation and Intercultural Communication Department

E-mail: knel@cs.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 222-73-62